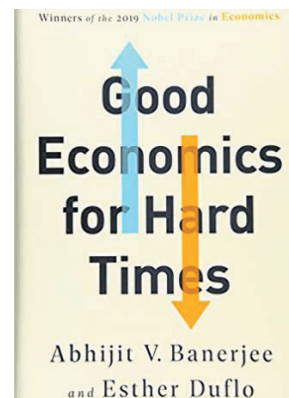

НОВЫЕ КНИГИ

Н. Н. Мещерякова

Социальные последствия липкой экономики

Рецензия на книгу: Banerjee A. V., Esther D. 2019. *Good Economics for Hard Times: Better Answers to Our Biggest Problems*. New York: Public Affairs. 432 p.

МЕЩЕРЯКОВА

Наталья

Николаевна — доктор

социологических наук, профессор Национального исследовательского Томского

политехнического

университета. Адрес:

Россия, 634050, Томск, проспект Ленина, д. 30.

Email: natalia.tib@mail.ru

Книга «*Good Economics for Hard Times: Better Answers to Our Biggest Problems*» («Приемлемая экономика для трудных времён: лучшие решения для сложнейших задач») — ответ нобелевских лауреатов по экономике (2019 г.) Абхиджита Банерджи и Эстер Дюфло на фундаментальные вызовы современности. На страницах книги её авторы затрагивают следующие вопросы: почему экономисты и другие социальные исследователи предлагают неэффективные ответы на глобальные вызовы? В чём опасность стереотипного мышления и устаревших экономических схем и теорий? Почему нельзя полагаться только на интуицию учёного, в чём сила кропотливых социальных исследований, основанных на экспериментальных методах, тщательной обработке фактов? Почему сегодня нет универсальных рецептов экономического роста и каждый национальный вариант социально-экономического развития становится, по сути, уникальным? Какую роль в этом варианте играют традиции и ценности? Почему рост неравенства по доходу превращается в поляризацию идеологий и политических позиций, ведёт к росту нетерпимости, расизму, трайбализации и проч.? Как идеологические подходы и популизм становятся искажающей линзой реальности? Почему гнев и отчаяние, связанное с личными травмами и неудачами, превращаются в антииммигрантскую риторику и возведение разделительных стен на государственных границах? Почему идея безусловного базового дохода не находит эмпирического подтверждения, и чем её можно заменить?

Всех читателей и исследователей, кто интересуется данными проблемами, ждёт масштабное, тщательное исследование, основанное на обобщении и анализе обширного круга прикладных исследований широчайшего регионального охвата. Авторы книги стремятся освободиться от довлеющих в науке стереотипов, опираться только на факты и их экспериментальное подтверждение. Книга написана очень лёгким — но не легковесным — языком, с определённой долей юмора.

Ключевые слова: липкая экономика; трайбализация; поляризация; неравенство; иммиграция; безусловный базовый доход.

Абхиджит Винаяк Банерджи и Эстер Дюфло стали в 2019 г. лауреатами Нобелевской премии по экономике. Уже это обстоятельство подогревает интерес к их новой книге, вышедшей в том же 2019 г. и посвящённой ответу

на вопрос, какая экономика будет хороша для наших трудных времён. Но это не чисто экономическая работа. Как написали сами авторы в последнем предложении своей книги, «экономика слишком важна, чтобы оставлять её только экономистам» [Banerjee, Duflo 2019: 326]. Книга представляет собой масштабное и по глобальности вопросов, и по охвату мировой территории междисциплинарное исследование. В центре внимания этого исследования находится вопрос о том, как экономика влияет на общество, а общество — на экономику. Сразу же приоткрою завесу над позицией авторов: разобраться в приоритетах этого влияния, по их мнению, всё равно что ответить на извечный вопрос о курице и яйце. Но прослеживание этой взаимообусловленности — дело интереснейшее, которое мы предпринимаем вместе с ними.

Авторам, как и многим другим исследователям сегодня [Harcourt, Fassin 2019], свойственно катастрофичное ощущение мира. Тревожность порождает взрывообразный рост неравенства, экологические и политические катастрофы и набор банальностей в наших руках, предназначенных для того, чтобы всего этого избежать. Рецензируемая книга о том, почему экономисты терпят неудачи, а политики ослепляют нас. Учёные с целью построения более гуманного мира пытаются написать рецепт хорошей экономики. Но постановке диагноза на страницах своих исследований они уделяют больше времени и внимания, чем рецептам лечения.

Одним из центральных понятий в книге является «липкая экономика», то есть негибкая, неэластичная. «Липкий» — это общий экономический термин, который может быть приложен к любой переменной, устойчивой к изменениям. В российской исследовательской литературе широкого хождения это понятие не имеет, тем более интересно, что вкладывают в него авторы рецензируемой книги. А они используют его шире, чем это принято, не только применительно к финансовым переменным.

Итак, что же не так с мировой экономикой и обществом?

Откажитесь от стереотипов мышления

Интереснейшие страницы книги посвящены развенчанию годами существующих в науке стереотипов мышления. Делается это на конкретных примерах, показывающих отрицательные стороны закона спроса и предложения, влияния мировой торговли на рост неравенства и др. Больше всего достаётся забронзовевшим экономическим теориям, составляющим основу классического экономического образования, но не имеющим подтверждения в реальности. По крайней мере, в сегодняшней реальности. Но такие теории зачастую ложатся в основу принимаемых управленческих решений.

Например, действительно ли валовой внутренний продукт на душу населения является главным показателем благополучия общества? Авторы книги предостерегают от упрощенного подхода к оценке благосостояния по доходу или уровню потребления. «Нам нужно гораздо больше, чтобы иметь полноценную жизнь; нам требуются уважение общества, комфортная жизнь для семьи и друзей, возможность сохранять чувство собственного достоинства, деликатность, удовольствие. Сосредоточенность на одном только доходе — это не просто удобный ярлык, это искажающая линза, которая часто ведёт самых умных экономистов по неверному пути, политиков — к неправильным решениям, а слишком многих из нас — к ошибочным навязчивым идеям» [Banerjee, Duflo 2019: 9]. Стремление к безудержному росту экономики и ВВП как его выражению оказалось причиной конфликта между экономическим ростом и сохранением экологического баланса планеты.

Между тем *эпоха экономического роста закончилась*. Для развитых стран она завершилась ещё в 1970-е гг. И только экономики догоняющего типа развития поддерживают иллюзию, что всё ещё возможно. Анализ истории мировой цивилизации говорит о том, что бурный экономический рост — это

как раз исключение из правила. Тридцать лет после окончания Второй мировой войны, до кризиса ОПЕК в 1973 г., — это Славное тридцатилетие (*The Glorious Thirty*), когда ВВП на душу населения в Европе ежегодно увеличивался на 3,8%. Но кто сказал, что так будет всегда?

Как полагают Банерджи и Дюфло, мало что можно будет сделать с долгосрочным ростом, когда процесс накопления капитала исчерпает свои возможности и его доходность будет достаточно низкой; а рост экономики достаточно трудно измерить. Например, как оценить новые технологии социальных медиа — Facebook, Instagram, Twitter — по их «реальной стоимости» и включить эту составляющую в ВВП? Авторы книги считают, что экономический рост вообще находится вне нашего контроля и, учитывая это, возможно, пришло время отказаться от одержимости им. Самый важный вопрос, на который экономисты могут с пользой ответить в богатых странах, заключается не в том, как сделать эти страны ещё богаче, а в том, как улучшить качество жизни их среднего гражданина. Хотя экономисты могли бы сказать что-то полезное и о развивающемся мире, где рост иногда сдерживается вопиющим злоупотреблением экономической логикой.

Мы до сих пор пребываем в мире стереотипов, согласно которым граждане богатых стран живут в ожидании бесконечного и постоянно растущего процветания, а политические лидеры привыкли измерять свой успех с точки зрения одного критерия — темпа роста валового внутреннего продукта страны. Это подталкивает их к дружественной бизнесу (*business friendly*) политике, которую авторы книги характеризуют как политику для богатых и против бедных. Хотя идея о том, что снижение налогов для богатых ведёт к экономическому росту, после многолетних повторений видными экономистами стала мантрой, основанной на интуиции: накопленные за эти же десятилетия данные не подтверждают её.

Вместе с тем навязчивая идея роста, лежащая в основе революции Рейгана—Тэтчер, с которой ни один из последующих мировых политических лидеров не стал спорить, нанесла длительный ущерб. И последствия приоритета экономического роста лежат прежде всего в плоскости социальных отношений. Политика помощи чрезмерно зависимым корпорациям и снижения налогов для богатых в таких странах, как США, Великобритания, Ирландия, привела к чрезмерной поляризации общества и социальной катастрофе. В то же время в таких странах, как Дания, Германия и ряд других, где планка налогообложения богатых не снижалась, подобных негативных тенденций в обществе исследованиями не фиксируется.

Коснёмся ещё одного стереотипа, который лежит, скорее, в плоскости идеологии, чем экономики, хотя обосновывается экономическими терминами. Авторы книги анализируют расхожее мнение, которое называют «соблазнительный силлогизм». Оно опирается на хрестоматийный закон спроса и предложения и кажется простым и очевидным. Выглядит это мнение так: уровень жизни в странах Запада выше, чем в других регионах мира, поэтому все стремятся сюда. Приезжие переполняют рынок труда, соглашаются на работу за более низкую оплату, чем местное население, тем самым занимая его рабочие места и снижая уровень жизни. Этой риторикой охотно пользуются политики; её логика проста, соблазнительна и ошибочна, считают авторы книги.

Банерджи и Дюфло, опираясь на конкретные эмпирические исследования, опровергают два взаимосвязанных заблуждения. Первое: всё население мира стремится переселиться в богатые страны Запада. На ряде примеров авторы книги показывают, что бегут ни от нищеты, а от насилия, когда оставаться в родных местах просто опасно. Экономические стимулы сами по себе часто недостаточны, чтобы заставить людей двигаться. Опровергая второе заблуждение, авторы доказывают, что даже относительно большой приток низкоквалифицированных мигрантов не наносит серьёзный ущерб местному населению, в том числе наиболее похожему на мигрантов с точки зрения квалификации.

Почему классическая теория спроса и предложения — чем больше у вас чего-то, тем ниже цена — не применима к иммиграции?

Во-первых, приток новой группы работников, как правило, увеличивает общий потребительский спрос, поскольку новички тратят деньги: ходят в магазины и рестораны, стригутся и проч. Это создаёт рабочие места, и, в основном, рабочие места для других низкоквалифицированных людей, а также компенсирует изменение предложения рабочей силы, оставляя заработную плату и безработицу неизменными.

Во-вторых, низкоквалифицированная миграция может повысить спрос на рабочую силу, поскольку она замедляет процесс механизации. Перспектива надёжного снабжения низкооплачиваемыми рабочими делает менее привлекательным внедрение трудосберегающих технологий.

В-третьих, там, где было больше мигрантов, больше местных низкоквалифицированных работников перешли с ручной работы на нематериальную и сменили работодателей. При этом они также перешли на работу с более сложными задачами, которая требовала большего объёма коммуникации и технического содержания. Иными словами, такая ситуация косвенно способствует росту социального капитала местного населения.

В-четвёртых, мигранты готовы выполнять задачи, которые местные жители решают неохотно; например, они косят газоны, переворачивают гамбургеры, заботятся о нуждах младенцев или больных людей. Потому, когда число мигрантов растёт, цены на эти услуги, как правило, снижаются, что помогает местным рабочим и освобождает их для выполнения других работ. Высококвалифицированные женщины, в частности, имеют больше шансов выйти на работу, когда вокруг много мигрантов. Выход высококвалифицированных женщин на рынок труда, в свою очередь, повышает спрос на низкоквалифицированную рабочую силу (уход за детьми, питание, уборка).

Таким образом, влияние миграции на экономику и общество столь сложное, что описывать его в терминах спроса и предложения значит упрощать данный феномен до потери объяснительной теорией своей силы. Исследователи полагают, что, несмотря на мнение Карла Маркса (удар ещё по одной фундаментальной теории), труд не является обычным товаром. Необходимо тщательное и без стереотипов описание причинно-следственных отношений между социальными и экономическими явлениями.

Опросы в США показывают, что чем меньше иммигрантов живёт в штате, тем меньше их любят. Почти половина жителей штатов, где почти нет иммигрантов, таких как Вайоминг, Алабама, Западная Вирджиния, Кентукки и Арканзас, считают, что иммигранты представляют угрозу для американской культуры и ценностей [Jones et al. 2016]. Это говорит о том, что беспокойство связано с потерей идентичности, а не только с экономикой.

Чем опасны стереотипы? Политические решения, принятые на столь шатких основаниях, ведут отдельные общества к социальной катастрофе. Жёсткая политика, направленная на поддержание экономического роста и объёмов ВВП, способствовала резкой поляризации изучаемых обществ. Авторы противопоставляют как положительный опыт политических решений, касающийся экономического развития в таких странах, как Дания, Швеция, Нидерланды, Германия, опыту США, Великобритании и предостерегают на примерах этих последних развивающиеся страны.

Главные опасности современного общества

Поляризация, которая более всего беспокоит исследователей, касается в первую очередь уровня дохода. Она выражается в том, что богатые становятся ещё богаче, а остальные, по меньшей мере, стагнируют.

С 1990 г. абсолютные показатели бедности, доля тех, кто живёт менее чем на 1,90 дол. в день, сократились вдвое. Это, конечно, связано и с тем, что определение крайней нищеты, которое используется мировым сообществом, устанавливает слишком низкую планку. Тем не менее нижние 50% мирового населения выиграли от мирового роста, подъёма некоторых национальных экономик и реализации международных программ по снижению уровня абсолютной бедности. Ещё более выиграли 1% самых состоятельных людей в богатых странах (плюс растущее число сверхбогатых в развивающихся странах), которые в совокупности обеспечили поразительные 27% общего роста мирового ВВП. Единственные, кто практически ничего не получил, это средние 49%, включая почти всех жителей Европы и Соединённых Штатов [Alvaredo et al. 2018].

Банерджи и Дюфло полагают, что мы живём в экономике, в которой «победитель получает всё». Те, кому посчастливилось оказаться в нужное время в нужном месте, иметь нужные навыки или руководствоваться правильными идеями, становились богатыми, иногда — сказочно богатыми, умея извлекать выгоду из возможности использовать свои особые таланты в глобальном масштабе. Для остальных всё не так радужно. Высококвалифицированные работники, в первую очередь связанные со сферой IT, получают все дивиденды современного уровня технологического и социально-экономического развития. Они выигрывают даже от новых технологий (искусственный интеллект, роботы и автоматизация в целом), которые лишают рабочих мест множество других категорий работников. Рост доходов ведёт к появлению новых рабочих мест — поваров и шофёров, садовников и нянь, но это рабочие места с низкой доходностью, и разрыв в её уровне только нарастает.

Ещё одной мантрой последних десятилетий в социальных науках является рост мобильностей [Urry 2000]. Но конкретные эмпирические исследования показывают, что если в 1950-х гг. 7% населения США ежегодно переезжало в другой округ, то в 2018 г. переселенцев было уже меньше 4%. Спад начался в 1990 г. и ускорился в середине 2000-х. Побережье привлекает всё больше и больше образованных работников, в то время как менее образованные, по-видимому, концентрируются в глубине страны, особенно в старых промышленных городах на востоке. Исследователи объясняют это тем, что для невысококвалифицированных работников непомерные расходы прежде всего на жильё в богатых городах перевешивают бóльшие, чем в бедных штатах, доходы от оплаты труда. Межпоколенческая мобильность также в США резко снизилась, и в настоящее время она здесь существенно ниже, чем в Европе.

Прибыль и тяготы оказались очень неравномерно распределены, и наряду с миграцией они определяют современный политический дискурс. Многие в США и Великобритании недовольны своим экономическим положением, склонны винить в этом иммиграцию и либерализацию торговли, а не растущее перераспределение ресурсов в пользу очень богатых.

Поляризация, связанная с неравномерным распределением совокупного общественного блага, проявляется и в тенденции занимать и выражать крайние позиции в политическом дискурсе. В политической сфере авторы книги выделяют такой феномен, как трайбализация. Она выражается не только в единстве политических взглядов, но и социальных; по крайней мере, это установлено среди жителей США опросными методами. Американцы сходятся, «как гроздь винограда» [Hawkins et al. 2018], во взглядах на распределение ролей между мужчинами и женщинами, по вопросам иммиграции и торговли, налогов и роли правительства. Принадлежность к этому условному племени единомышленников является предпосылкой их электорального поведения в большей степени, чем доход, пол или возраст.

Резкая сегментация электората гораздо глубже, чем просто политические разногласия. Американцы разных политических оттенков дошли до ненависти друг к другу. В 1960 г. примерно 5% республиканцев и демократов сообщили, что они будут недовольны, если их сын или дочь вступят в брак вне их политической партии. К 2010 г. почти 50% республиканцев и более 30% демократов «чувствовали

себя несколько или очень несчастными», оказавшись в ситуации межпартийного брака [Iyengar, Sood, Lelkes 2012].

Авторы книги пишут, что, по мере того, как люди теряют способность слушать друг друга, демократия становится менее значимой и приближается к переписи различных племён, каждое из которых голосует больше на основе племенной лояльности, чем разумного баланса приоритетов. Политическая полемика становится всё более агрессивной. Неприкрытая враждебность по отношению к людям других рас, вероисповеданий, национальностей и даже полов стала основной чертой популистских лидеров во всём мире. Тот факт, что избиратели ставят во главу угла расу, этническую принадлежность или религию, вовсе не означает, по мнению авторов, что они пафосно относятся к этим характеристикам. Избиратели понимают, что политические лидеры предпочитают разыгрывать этническую или расовую карту, когда это удобно. Одна из причин, по которой они всё ещё голосуют за этих политиков, заключается в глубоко циничном отношении к политической системе, поскольку, по их глубокому убеждению, все политики более или менее похожи. Другими словами, этническое или фанатичное голосование часто является просто выражением безразличия.

Правительства делают очень мало для решения самых насущных проблем современности, в частности, для сокращения поляризации населения по доходу¹. Это питает гнев и недоверие, разрушает общественный договор, делает нас неспособными действовать сообща. Рост неравенства лежит в основе роста социальной напряжённости и ощущения несчастья.

Ущемлённое достоинство и гнев

Большинство американцев, чьи зарплаты и доходы стагнировали, а сами они сталкиваются с постоянно увеличивающимся разрывом между богатством, которое они видят вокруг себя, и финансовыми проблемами, которые испытывают, встают перед выбором: взять ответственность на себя за то, что они не извлекают выгоду из возможностей, которые, по их мнению, предлагает им общество, или возложить её на кого-то, кого можно обвинить в краже их рабочих мест.

Выбор не такой простой. Исследования показывают, что в США произошли беспрецедентный рост смертности среди малообразованных белых в среднем возрасте и снижение их ожидаемой продолжительности жизни. Во всех расовых группах в США, кроме белых, смертность снижается. Иные англоязычные страны, придерживающиеся в целом схожей с США социальной модели, а именно Великобритания, Австралия, Ирландия и Канада, также претерпевают аналогичные изменения, хотя и более медленно. Во всех других богатых странах смертность снижается, и происходит это быстрее для необразованных групп населения, где она изначально была ниже, чем для образованных. Как доказывают исследования, рост смертности среди белых мужчин и женщин среднего возраста в Америке обусловлен устойчивым ростом так называемых смертей от отчаяния — от алкогольных и наркотических отравлений, самоубийств, цирроза печени как результата алкоголизма, а также замедлением прогресса в борьбе со смертельными заболеваниями [Case, Deaton 2017].

Банерджи и Дюфло не считают такое положение вещей результатом низких (или неравных) доходов как таковых. В конце концов, положение чернокожих в экономическом плане за этот период не улучшилось, и на них низкие доходы не влияют. Также не было никакого всплеска смертности в Западной Европе даже после стагнации доходов во время Великой рецессии. Среди менее образованных белых американцев любого возраста каждая последующая когорта была более склонна к трудностям в общении, из-

¹ Имеются в виду те страны, которые отказались от повышенного налогообложения сверхдоходов, в первую очередь — США.

быточному весу, психическим расстройствам и симптомам депрессии, а также к обострению хронических заболеваний. Именно совокупный потенциал этих проблем и привёл к росту смертности. В целом белый рабочий класс, не получивший высшего образования, рухнул после 1970-х гг., и это, вероятно, было результатом специфического неравномерного экономического роста, который пережила страна.

Но альтернатива отчаянию — гнев. Когда общий рост либо останавливается, либо не приносит пользы среднему обывателю, необходим козёл отпущения. Это особенно верно для Соединённых Штатов, но происходит и в Европе. Излюбленные многими политиками и более широкой общественностью отвлекающие факторы — иммигранты и открытая торговля. Ещё раз повторим, что простые обыватели в своих личных несчастьях винят «понаехавших», а не перераспределение ресурсов в пользу самых богатых. Белые лишаются работы. Социальные обстоятельства сближают их с чёрными, обостряется чувство превосходства и униженности одновременно, это поворачивается против чёрных же. Взгляды радикализуются.

Сквозная тема рецензируемой книги: неразумно ожидать, что рынки всегда будут давать справедливые, приемлемые или даже эффективные результаты. «Дух этой книги состоит в том, чтобы подчеркнуть: нет никаких железных законов экономики, мешающих нам построить более гуманный мир, но есть много людей, чьи слепая вера, личные интересы или простое непонимание экономики заставляют утверждать, что это так» [Banerjee, Duflo 2019: 256]. Авторы предлагают отказаться от десятилетиями довлеющих стереотипов наподобие стремления к бесконечному росту ВВП и присмотреться тщательнее к накопленному опыту частных социальных программ, по участию в которых у авторов богатый опыт.

Нет универсальных рецептов развития экономики

Учёные не сторонники идеи универсального развития мирового рынка. Весь их масштабный опыт эмпирических исследований бедности в первую очередь говорит: то, что работает в одной экономике и одном обществе, не работает в других. И объяснить каждый такой частный случай можно, только тщательно проанализировав соответствующий кейс.

На практике большое значение имеют идеи и ценности. Зачастую именно они определяют тот или иной выбор, а не рациональные соображения. Вдохновлённые новыми экологическими и этическими принципами, некоторые известные бренды в наши дни навязывают стандарты качества продукции сверх любых нормативных требований и рациональных соображений, что ещё больше затрудняет выход на рынок новых стран-экспортёров. Исследователи на большом объёме материала и на конкретных примерах доказывают, что от свободной торговли выигрывают те, кто раньше других преуспел и захватил рынок, имеет определённую репутацию.

Учитывая этнические корни Абхиджита Банерджи, авторы уделили много внимания индийской экономике. Неэффективность индийского менеджмента, несмотря на все успехи последних десятилетий, они объясняют отсутствием внутреннего стимула к росту, значимостью неэкономических соображений (например, лучше оставить фирму сыну, даже если он и не очень хороший специалист, чем нанять внешнего управляющего, и проч.). Традиционализм, пережитки кастовости — это то, с чем невозможно не считаться в данной стране. В Индии молодёжь, получившая образование, претендует на работу в государственной или квазигосударственной организации (например, в банке государственного сектора). Заявки на 90 тыс. низкооплачиваемых рабочих мест на государственных железных дорогах подали 28 млн человек [Dasgupta 2018]. Государственных вакансий на всех не хватает, и молодые люди предпочитают сидеть дома в ожидании работы, которая им вряд ли достанется, хотя семьи не могут себе позволить их содержать. Иная работа их не устраивает: слишком много часов, слишком много времени, проведённого стоя, слишком много переходов с одного места на другое, слишком мало зар-

платы. Авторы книги пишут, что отчасти проблема связана с несоответствием ожиданий. Но рынки труда, замороженные таким радикальным несоответствием, растрачивают ресурсы впустую.

Ценности, какими бы они ни были, в большей степени определяют мнения и поведение, чем рациональные соображения. В этом смысле Макс Вебер, ожидавший, что целерациональное поведение будет подменять собою ценностно-рациональное, оказался не прав.

Что можно учесть для России

Книга удивительным образом игнорирует Российскую Федерацию. Тем более удивительным, что Эстер Дюфло начинала свою академическую карьеру, изучая советскую экономику. Её магистерская диссертация посвящена истории первой пятилетки в СССР. В 1991 г. Эстер была на улицах Москвы среди протестующих против ГКЧП. Но, если не считать частного экономического правила «Вы делаете вид, что нам платите; мы делаем вид, что работаем», российский опыт в книге не учтён. Это не означает, что книга не интересна и не имеет значения для российского читателя. Скорее всего, широчайший эмпирический материал, который они столь скрупулёзно проанализировали на примере других стран, им был просто недоступен по России. Тот же вопрос встаёт перед российскими социологами и экономистами: где материалы полевых исследований и результаты применения экспериментальных методик? Есть ли программы адресной поддержки малоимущих семей и научный анализ эффективности этих мер?

Лауреаты Нобелевской премии по экономике считают, что ВВП — это средство, а не цель. Несомненно, полезное средство, особенно когда оно создаёт рабочие места, повышает заработную плату или пополняет государственный бюджет, чтобы потом его перераспределить. Но конечной целью остаётся повышение качества жизни среднего человека, и особенно самого бедного. А качество жизни — это больше, чем просто потребление. Большинство людей хотят сохранять достоинство и уважение. Они заботятся о здоровье своих родителей, об образовании своих детей, о том, чтобы их голоса были услышаны, и о том, чтобы иметь возможность осуществлять свои мечты. Более высокий ВВП может быть одним из способов достижения таких целей, но только *одним из способов*, и нет доказательств, что лучшим. На самом деле, качество жизни в разных странах со средним уровнем дохода очень сильно различается. Например, Шри-Ланка имеет более или менее тот же ВВП на душу населения, что и Гватемала, но материнская, младенческая и детская смертность в Шри-Ланке намного ниже (и сопоставима с США).

Авторы книги доказывают, что значительные успехи последних десятилетий достигнуты путём сосредоточения политики на конкретных результатах, даже в тех странах, которые были и остаются очень бедными. Нужно обратить внимание на ключевые проблемы и понять, что работает для их решения. Это кропотливая работа. Вложение денег само по себе не обязательно даёт реальное образование или крепкое здоровье. Но хорошая новость заключается в том, полагают авторы, что они знают, как добиться прогресса. Одним из больших преимуществ внимания к чётко определённым мероприятиям является то, что эти стратегии имеют измеримые цели, поэтому могут быть прямо оценены. С такими мероприятиями можно экспериментировать, отказываясь от тех, которые не работают, и совершенствуя те, которые имеют положительный потенциал.

Авторы сожалеют (и мы вполне можем к ним присоединиться), что основная часть ресурсов НИОКР в наши дни направлена на машинное обучение и другие методы больших данных, предназначенные для автоматизации существующих задач, а не на исследование потенциала новых рабочих мест, например. Упор на автоматизацию существующих рабочих мест повышает вероятность того, что нынешняя волна инноваций нанесёт серьёзный ущерб работникам.

Исследователи на большом объёме эмпирического материала показывают, почему идея безусловного базового дохода (*universal basic income* — UBI) не находит экспериментального подтверждения. Во-первых, её реализация стоит слишком дорого. Подсчитано, что для США стоимость её осуществления эквивалентна всему федеральному бюджету, или равна 20% экономики США [Lowrey 2018; Yang 2018]. Во-вторых, UBI не отменяет необходимость создания новых рабочих мест. Большинство людей, как показывают эмпирические исследования, действительно хотят работать, и не только потому, что им нужны деньги; работа даёт ощущение наличия цели в жизни, принадлежности к чему-то значительному, укрепляет чувство собственного достоинства. Людям трудно найти смысл своего существования вне структуры своей работы.

Многолетнее Американское обследование использования времени (American Time Use Survey — ATUS) показывает, что с 1960-х гг. время, затрачиваемое на досуг, существенно увеличилось как для мужчин, так и для женщин. Начиная с 2004 г. значительную часть этого времени молодые люди посвящали видеоиграм. Для всех остальных групп большая часть этого времени была поглощена телевизором. Кажется, что людям очень трудно самостоятельно понять, как привнести смысл в свою жизнь. Большинство из них нуждается в дисциплине, обеспечиваемой структурированной рабочей средой. Люди, у которых больше свободного времени (пенсионеры, безработные, те, кто не является рабочей силой), менее склонны к волонтерству, чем те, кто работает полный рабочий день [Volunteering in the United States 2016].

Абхиджита Банерджи и Эстер Дюфло больше привлекает модель гибких гарантий защищённости (*flexicurity*), которую они демонстрируют на датском материале. Эта модель обеспечивает гибкость рынка труда, потому что люди могут быть уволены довольно легко, когда они больше не нужны, но уволенные субсидируются, чтобы они не понесли больших экономических потерь, и есть согласованные усилия правительства, чтобы вернуть работника (возможно, после существенной переподготовки). По сравнению с системой занятости, где работники в основном предоставлены сами себе (как в США), датский вариант подразумевает, что потеря работы не трагедия, а нормальная фаза жизни, которую правительственные программы помогают пройти с наименьшими моральными и материальными издержками. Модель гибких гарантий защищённости позволяет легче приспособливаться к изменениям обстоятельств и избегать серьёзных конфликтов, чем это происходит в странах (например, во Франции), где затруднено увольнение работников с постоянными трудовыми контрактами. И это тоже следует учесть в российском опыте.

Исследователи предлагают просчитать, какие профессиональные ниши в силу специфики труда в них не могут быть роботизированы. Уход за пожилыми людьми и детьми, образование — всё это отрасли, где прирост производительности от автоматизации, по крайней мере на данный момент, ограничен. Действительно, вполне вероятно, что роботы никогда не смогут полностью заменить человеческое прикосновение в уходе за очень молодыми или очень старыми, хотя вполне способны эффективно дополнить его. Сравнительные преимущества использования людей в уходе и обучении означают, что относительная производительность этих секторов будет всё больше отставать по мере того, как машины будут закрепляться в других секторах. Соответственно, уход и обучение привлекают меньше частных инвестиций. В то же время забота о пожилых людях, безусловно, является достойной социальной задачей, которая в настоящее время недостаточно обслуживается. Существуют огромные потенциальные выгоды для общества от инвестиций в улучшение образования и ухода за детьми в раннем возрасте. Это будет стоить денег, но, если эти деньги будут потрачены на то, чтобы хорошо платить людям за стабильную, престижную работу, они достигнут двух важных целей: производство чего-то полезного для общества и обеспечение большого количества значимых профессий. В условиях роста неравенства во всём мире грамотное перераспределение на уровне государства становится всё важнее!

Заключение

Джеймс Крэбтри в рецензии, опубликованной в газете «Financial Times» [Crabtree 2019], отмечает, что сильной стороной работы Банерджи и Дюфло являются не абстрактные экономические теории, а конкретные программы помощи, точечные интервенции, которые могут сделать жизнь уязвимых социальных групп лучше. Мир «липкий», люди не столь охотно меняют свой образ жизни и место проживания, как это принято считать. Однако Крэбтри всё же критикует нобелевских лауреатов за то, что они не предложили, как продвигать свои идеи на политическом уровне, на уровне принятия управленческих решений.

Более серьёзный критический анализ предлагает Лаура Болл [Ball 2020]. Она задаётся вопросом, могут ли хорошо продуманные эксперименты стать основанием для вмешательства правительства в экономику. Рецензент приветствует общий посыл книги: хорошая экономика — это та, что основана на тщательно контролируемых экспериментах, а плохая управляется интуицией и замшелыми теориями. Сила авторов в их обширном эмпирическом опыте участия в программах экономической помощи в странах третьего мира. Не случайно Нобелевскую премию они получили с формулировкой «за экспериментальный подход к борьбе с глобальной бедностью». Но для Болл кажется не совсем убедительными перенесение этого опыта в США, которые не являются основной областью исследований Банерджи и Дюфло, и их призыв к значительному расширению роли правительства в регулировании экономики как «единственно возможному выходу» из нынешних экономических затруднений. Вмешательство подразумевает увеличение налогообложения высоких доходов и расширение программ социальной помощи. Для доказательства эффективности этих мер авторам, с точки зрения рецензента, не хватает того, что делает их позицию сильной по другим регионам мира, то есть подтверждённых экспериментальных данных.

Хочется заострить внимание ещё на одном важном моменте. Авторы книги предлагают точечные интервенции в экономику, исходя из определённых допущений, подкреплённых эмпирическим опытом. Например, они подразумевали более медленную автоматизацию рутинных процессов на производстве и более медленное высвобождение трудовых кадров невысокой квалификации, которые следует интегрировать в профессиональные ниши, требующие не столько высокой квалификации, сколько постоянства социальных контактов, то есть в уход за детьми и пожилыми людьми в первую очередь. Но пандемия 2020 г. изменила всё. Она стала тем джокером (то есть заранее непредсказуемым событием), который пустил течение предсказанных процессов по иному руслу, и, возможно, навсегда.

Если, по логике рассуждений исследователей, автоматизация процессов уравнивалась дешёвиной рабочей силы, поэтому собственники не спешили вкладываться в модернизацию, то после начала пандемии человеческая рабочая сила, в отличие от механизированной, оказалась очень уязвимой. Бастиин Хуанг, специалист по автоматизации и робототехнике, уже в 2019 г. упрекала Amazon в некотором лукавстве [Huang 2019], когда представители этой компании заявляли, что полной автоматизации складских комплексов не будет ещё 10 лет, поскольку трудно обучить роботов видеть мир и нельзя сравнить использование роботизированных захватов с ловкостью человеческих рук. Затраты на рабочую силу составляют в среднем 65% операционных бюджетов большинства складских объектов. Учитывая эту колоссальную цифру, нетрудно понять, почему компания стремится автоматизировать всё, что возможно, любые процессы. Эпидемия COVID-19 ускоряет автоматизированное будущее [Huang 2020].

Востребованность рабочих мест, где необходимы социальные контакты, наоборот, сократилась, и прежде всего за счёт сферы услуг и туристического бизнеса. Если автоматизация долгосрочный тренд, то рынок труда с высоким уровнем социальных контактов будет, скорее всего, колеблющимся и зависимым от эпидемической обстановки, а значит, для этой сферы занятости понадобятся специализированные гибкие государственные программы социальной помощи, переобучения и т. д.

Также пандемия показала экономическую эффективность непроизводительных расходов, прежде всего в сфере здравоохранения. В длительной перспективе здоровое население, чьё медицинское сопровождение происходит на высоком уровне на протяжении всей жизни, которому оказывается высокотехнологичная помощь не только в кризисные моменты, менее уязвимо во время пандемии. Следовательно, такой подход требует меньше государственных расходов на лечение, реабилитацию, влечёт меньше потерь человеческих производительных сил, обеспечивает более быстрое восстановление экономики и проч. Все эти моменты, от ускорения социальных изменений, для которых рандомизированные контролируемые исследования оказываются неповоротливыми, до экономической рентабельности инвестиций в неэкономические сферы общественной жизни, усложняют ту социально-экономическую реальность, которую нарисовали авторы книги, и требуют дальнейшего анализа.

Литература

- Alvaredo F. et al. 2018. *World Inequality Report 2018: Executive Summary*. English version. Paris: World Inequality Lab.
- Ball L. 2020. Can Well-Designed Experiments Make the Case for Government Intervention? *National Review*. March 19. URL: <https://www.nationalreview.com/magazine/2020/04/06/can-well-designed-experiments-make-the-case-for-government-intervention/>
- Banerjee A. V., Duflo E. 2019. *Good Economics for Hard Times: Better Answers to Our Biggest Problems*. New York: Public Affairs.
- Case A., Deaton A. 2017. Mortality and Morbidity in the 21st Century. *Brookings Papers on Economic Activity*. March 23. URL: <https://www.brookings.edu/bpea-articles/mortality-and-morbidity-in-the-21st-century/>
- Crabtree J. 2019. Good Economics for Hard Times by Abhijit Banerjee and Esther Duflo. Practical Solutions to Help the “Left Behind”. *Financial Times*. November 25. URL: <https://www.ft.com/content/3cb678e2-0d13-11ea-b2d6-9bf4d1957a67>
- Dasgupta N. 2018. More Than 25 Million People Apply for Indian Railway Vacancies. *Reuters*. March 29. URL: <https://www.reuters.com/article/us-india-unemployment-railways/more-than-25-million-people-apply-for-indian-railway-vacancies-idUSKBN1H524C>.
- Harcourt B. E., Fassin D. (eds). 2019. *A Time for Critique*. New York: Columbia University Press.
- Hawkins S. et al. 2018. Hidden Tribes: A Study of America’s Polarized Landscape. *More in Common*. URL: <https://www.moreincommon.com/hidden-tribes>.
- Huang B. 2019. What Amazon Doesn’t Want You to Know About Its Automation Strategy. *The Startup*. October 31. URL: <https://medium.com/swlh/what-amazon-doesnt-want-you-to-know-about-its-automation-strategy-9046dd9289aa>
- Huang B. 2020. Will COVID-19 Accelerate an Automated Future? *The ROBOTREPORT*. March 29. URL: <https://www.therobotreport.com/will-covid-19-accelerate-an-automated-future/>
- Iyengar Sh., Sood G., Lelkes Y. 2012. Affect, Not Ideology: A Social Identity Perspective on Polarization. *Public Opinion Quarterly*. 76 (3): 405–431. URL: <http://doi.org/10.1093/poq/nfs038>

- Jones R. P. et al. 2016 (March). *How Americans View Immigrants and What They Want from Immigration Reform: Findings from the 2015 American Values Atlas*. Washington, DC: Public Religion Research Institute.
- Lowrey A. 2018. *Give People Money: How a Universal Basic Income Would End Poverty, Revolutionize Work, and Remake the World*. New York: Crown.
- Urry J. 2000. *Sociology beyond Societies. Mobilities for the Twenty-First Century*. London; New York: Routledge.
- Volunteering in the United States, 2015. 2016. *Economic News Release*. February 25. URL: <https://www.bls.gov/news.release/volun.nr0.htm>
- Yang A. 2018. *The War on Normal People: The Truth About America's Disappearing Jobs and Why Universal Basic Income Is Our Future*. New York: Hachette Books.

NEW BOOKS

Nataliya Meshcheryakova

Sticky Economy's Social Consequences

Book Review: Banerjee A. V., Duflo E. (2019) *Good Economics for Hard Times: Better Answers to Our Biggest Problems*, New York: Public Affairs. 432 p.

MESHCHERYAKOVA, Nataliya N. — Professor of Sociology at Tomsk Polytechnic University. Address: 634050, Lenin Str., 30 Tomsk, Russian Federation.

Email: natalia.tib@mail.ru

Abstract

The book *Good Economics for Hard Times: Better Answers to Our Biggest Problems* is the answer of the 2019 Nobel laureates in Economics Abhijit Banerjee and Esther Duflo to the fundamental challenges of modernity. Its pages are devoted to the questions: why do economists and other social researchers offer ineffective responses to global challenges? What are the dangers of stereotypical thinking and outdated economic schemes and theories? Why can't we rely only on the scientist's intuition? What is the power of painstaking social research based on experimental methods and careful processing of facts? Why are

there no universal recipes for economic growth? Why is each national variant of socioeconomic development unique? What role do traditions and values play in these options? Why does the growth of income inequality turn into a polarization of ideologies and political positions, leading to an increase in intolerance, racism, tribalization, and so on? How do ideological approaches and populism become a distorting lens of reality? Why do the anger and despair associated with personal injuries and failures turn into anti-immigrant rhetoric and wall-building? Why does the idea of a universal basic income not find empirical support and what can replace it?

All readers and researchers who are interested in these issues will be introduced to a large-scale, thorough study based on the generalization and analysis of a wide range of social surveys and other studies with the widest regional coverage. The authors strive to dispense with the prevailing stereotypes in science, relying only on facts and their experimental confirmation. The book is written in a very lucid literary style, with a certain amount of humor.

Keywords: sticky economy; tribalization; polarization; inequality; immigration; universal basic income .

References

Alvaredo F., Chancel L., Piketty T., Saez E., Zucman G. (2018) *World Inequality Report 2018: Executive Summary*. English version, Paris: World Inequality Lab.

Ball L. (2020) Can Well-Designed Experiments Make the Case for Government Intervention? *National Review*. March 19. Available at: <https://www.nationalreview.com/magazine/2020/04/06/can-well-designed-experiments-make-the-case-for-government-intervention/> (accessed 23 April 2020).

Banerjee A. V., Duflo E. (2019) *Good Economics for Hard Times: Better Answers to Our Biggest Problems*, New York: Public Affairs.

Case A., Deaton A. (2017) Mortality and Morbidity in the 21st Century. *Brookings Papers on Economic Activity*. March 23. Available at: <https://www.brookings.edu/bpea-articles/mortality-and-morbidity-in-the-21st-century/> (accessed 10 January 2020).

- Crabtree J. (2019) Good Economics for Hard Times by Abhijit Banerjee and Esther Duflo. Practical Solutions to Help the “Left Behind”. *Financial Times*. November 25. Available at: <https://www.ft.com/content/3cb678e2-0d13-11ea-b2d6-9bf4d1957a67> (accessed 10 January 2020).
- Dasgupta N. (2018) More Than 25 Million People Apply for Indian Railway Vacancies. *Reuters*. March 29. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-india-unemployment-railways/more-than-25-million-people-apply-for-indian-railway-vacancies-idUSKBN1H524C> (accessed 10 January 2020).
- Harcourt B. E., Fassin D. (eds) (2019) *A Time for Critique*, New York: Columbia University Press.
- Hawkins S. Yudkin D., Juan-Torres M., Dixon T. (2018) Hidden Tribes: A Study of America’s Polarized Landscape, *More in Common*. Available at: <https://www.moreincommon.com/hidden-tribes> (accessed 25 January 2020).
- Huang B. (2019) What Amazon Doesn’t Want You to Know About Its Automation Strategy. *The Startup*. October 31. Available at: <https://medium.com/swlh/what-amazon-doesnt-want-you-to-know-about-its-automation-strategy-9046dd9289aa> (accessed 10 January 2020).
- Huang B. (2020) Will COVID-19 Accelerate an Automated Future? *The ROBOTREPORT*. March 29. Available at: <https://www.therobotreport.com/will-covid-19-accelerate-an-automated-future/> (accessed 23 April 2020).
- Iyengar Sh., Sood G., Lelkes Y. (2012) Affect, Not Ideology: A Social Identity Perspective on Polarization. *Public Opinion Quarterly*, vol. 76, no 3, pp. 405–431.. Available at: <https://pcl.stanford.edu/research/2012/iyengar-poq-affect-not-ideology.pdf> (accessed 25 January 2020).
- Jones R. P., Cox D., Cooper B., Lienesch R. (2016) *How Americans View Immigrants and What They Want from Immigration Reform: Findings from the 2015 American Values Atlas*, Washington, DC Public Religion Research Institute.
- Lowrey A. (2018) *Give People Money: How a Universal Basic Income Would End Poverty, Revolutionize Work, and Remake the World*, New York: Crown.
- Urry J. (2000) *Sociology beyond Societies. Mobilities for the twenty-first century*, London; New York: Routledge.
- Volunteering in the United States, 2015. (2016) *Economic News Release*, February 25. Available at: <https://www.bls.gov/news.release/volun.nr0.htm> (accessed 27 January 2020).
- Yang, A. (2018) *The War on Normal People: The Truth About America’s Disappearing Jobs and Why Universal Basic Income Is Our Future*, New York: Hachette Books.

Received: February 17, 2020

Citation: Meshcheryakova N. (2020) Sotsial’nye posledstviya lipkoy ekonomiki [Sticky Economy’s Social Consequences. Book Review on Banerjee A. V., Duflo E. (2019) *Good Economics for Hard Times: Better Answers to Our Biggest Problems*, New York: Public Affairs. 432 p.]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 21, no 4, pp. 125–138. doi: [10.17323/1726-3247-2020-4-125-138](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2020-4-125-138) (in Russian).